

Взаимодействие личностных и семейных факторов благополучия детей¹

Е.Р. Слободская

доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института физиологии Сибирского отделения Российской академии медицинских наук

О.А. Ахметова

научный сотрудник Научно-исследовательского института физиологии Сибирского отделения Российской академии медицинских наук

В статье представлено эмпирическое исследование, направленное на изучение взаимодействия личностных и семейных факторов благополучия детей. Авторами выдвинуто предположение, что влияние факторов защиты и риска различается в зависимости от личностных и семейных характеристик. Исследована большая выборка детей и подростков 3–18 лет ($N = 1780$, 46 % женского пола) из различных слоев городского и сельского (21 %) населения. Используются родительские опросники: «Сильные стороны и трудности» для оценки благополучия, «Список индивидуальных особенностей ребенка» для оценки личностных черт и «Стиль жизни» для оценки семейных факторов. При разладе и насилии в семье и жестком воспитании вклад личностных особенностей детей в просоциальное поведение, поведенческие и психические проблемы и их влияние на жизнь был больше, чем в благоприятной обстановке. При неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск может умножаться; семейные факторы защиты снижают риск неблагоприятного развития при личностной уязвимости, а личностные факторы защиты (высокая уступчивость и покладистость, низкий уровень антагонизма и отрицательной эмоциональности) нивелируют действие семейного неблагоприятия на развитие.

Ключевые слова: благополучное развитие, проблемы поведения, семья, дети, подростки, личностные особенности.

Имеются многочисленные данные о значении личностных особенностей для важных результатов развития [7; 11; 19]. В продолжительных исследованиях установлено, что личностные черты из пятифакторной модели оказывают существенное влияние на социальные взаимоотношения, образование и здоровье [7]. В сфере социальных отношений уступчивость и экстраверсия способствуют развитию социальной компетентности, в то время как нейротизм и низкая сознательность вызывают трудности [7]. Показано, что прогностическая значимость личностных черт в отношении смертности, развода и профессиональных достижений сопоставима с вкладом коэффициента интеллектуальности и социально-экономического положения, а в иных случаях и выше [19]. У российских детей и подростков около 30 % разнообразия эмоциональных проблем определялись нейротизмом и интроверсией и почти 30 % разнообразия поведенческих проблем — экстраверсией, несознательностью и неуступчивостью [21]. Большинство исследований были сориентированы на факторы Большой Пятерки, но последние работы указывают на то, что личностные особенности с раннего возраста отличаются иерархи-

ческой структурой [23] и существенное значение для развития могут иметь черты среднего уровня и факторы высшего порядка [7; 20; 21].

В исследованиях развития выявлены семейные факторы риска и защиты психического здоровья и благополучия: размер и состав семьи, социально-экономическое положение, социальная поддержка, сплоченность семьи, методы родительского воспитания и др. [1; 3]. При этом не обнаружено специфического влияния конкретных стрессоров на последующие проблемы поведения у детей [15]. Данные указывают на то, что различные условия воспитания в пределах нормы не имеют существенного значения для развития, но на некоторых детей семейные факторы могут оказать существенное воздействие, как неблагоприятное, так и благоприятное [5]. Вследствие такого рода взаимодействий между личностными и семейными факторами развитие детей со сходными индивидуальными особенностями может идти разными путями, как и развитие детей в сходных семейных обстоятельствах [13; 14].

В настоящее время изучение взаимодействий между индивидуальными и средовыми факторами

¹ Авторы благодарны всем участникам исследования/ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (грант № 11-06-00517а).

развития вышло на первый план. Больше всего исследованы взаимодействия между личностными особенностями ребенка и родительскими методами воспитания в отношении распространенных эмоциональных проблем (страхи, тревоги, сниженное настроение, психосоматические симптомы и трудности в отношении со сверстниками) и отклонений в поведении (непослушание, деструктивное поведение, агрессивность, чрезмерная активность и невнимательность). Например, в бельгийских исследованиях показано, что хотя такие методы воспитания, как принуждение, гиперреактивность (раздражение и гнев) и негативный родительский контроль (жесткое дисциплинирование и игнорирование) в целом предрасполагают к отклонениям в поведении, они не действуют на детей с высоким уровнем доброжелательности и сознательности [18; 24].

Выявленные взаимодействия раскрывают механизмы, посредством которых личностные особенности и семейная среда влияют на ход развития [11]: специфические факторы защиты способны смягчать повреждающее воздействие факторов риска, при неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск может увеличиваться, а при наилучшем соответствии семейной среды возможностям ребенка развитие идет наиболее успешно. Полученные результаты могут иметь универсальный характер или быть специфичными для конкретной культуры или исторического периода. Для выяснения механизмов развития российских детей и подростков необходимы масштабные исследования с широким охватом значимых индивидуальных и семейных характеристик и анализом взаимодействий между ними. К сожалению, подобных публикаций в отечественной литературе найти не удалось. Кроме того, не изучено взаимодействие индивидуальных и семейных факторов на разных уровнях иерархической структуры личности.

Цель настоящей работы — изучение взаимодействий между личностными и семейными факторами благополучия детей и подростков с учетом иерархической организации личностных черт и широкого спектра семейных характеристик.

Методы

Участники исследования. Данные родителей о 1979 детях и подростках от 2 до 18 лет (48 % женского пола). Средний возраст детей составил $10,4 \pm 4,2$ лет; дошкольники (2–6 лет) составили 23 % выборки, младшие школьники (7–10 лет) — 26 %, младшие подростки (11–14 лет) — 25 %, старшие подростки (15–17 лет) — 26 %. Большую часть опросников заполнили матери (86 %), меньшую — отцы (9 %) и другие близкие родственники. Большинство детей (72 %) проживали в семьях с двумя биологическими родителями; 18 % — с одним родителем (как правило, с матерью) и 10 % — в сводных семьях (как правило, с матерью и отчимом) или с другими

родственниками. В сельской местности проживало 26 % семей. Неполное среднее образование имели 1,5 % матерей и 1,3 % отцов, полное среднее — 8,7 % матерей и 14,2 % отцов; среднее специальное — 42,2 % матерей и 40,6 % отцов, высшее — 46,2 % матерей и 40,4 % отцов, ученую степень — 1,4 % матерей и 3,4 % отцов. Профессиональное положение родителей варьировало от неквалифицированных работников ручного труда до высококвалифицированных специалистов и руководителей; 14,7 % матерей и 5,9 % отцов не работали.

Процедура исследования. Работа была одобрена Этическим комитетом НИИ физиологии СО РАМН. Исследование охватило детей и подростков из широких социально-экономических слоев населения городской и сельской местности; большая часть данных получена в Новосибирске, третьем по величине городе России. К участникам обращались через школы, дошкольные учреждения и непосредственно. После информированного согласия родителям предлагали заполнить комплект опросников.

Инструменты. В исследовании использованы международные опросники для родителей, адаптированные и валидизированные авторским коллективом, и оригинальные разработки. Надежность шкал оценивали коэффициентом внутренней согласованности α Кронбаха.

Благополучие оценивали с помощью опросника «Сильные стороны и трудности», адаптированного и валидизированного авторами на рандомизированной стратифицированной выборке школьников [9]. Определяли оценки по четырем шкалам: просоциальное поведение ($\alpha = 0,70$), интернализация (эмоциональные проблемы и проблемы со сверстниками, $\alpha = 0,64$), экстернализация (гиперактивность и проблемы с поведением, $\alpha = 0,77$) и влияние проблем в важнейших сферах жизни (субъективное страдание, бремя для родителей, трудности в повседневной домашней жизни, дружеских отношениях, учебе в школе и занятиях в свободное время; $\alpha = 0,81$).

Личностные особенности оценивали полной и краткой формой Списка индивидуальных особенностей ребенка — свободного от влияния возраста и культуры инструмента [2; 10; 22]. Средний коэффициент внутренней согласованности 15 шкал среднего уровня составил 0,81 (размах 0,75–0,88). Экстраверсия ($\alpha = 0,92$) включала активность, общительность и положительные эмоции; неуступчивость ($\alpha = 0,89$) включала антагонизм, упрямство и низкое сочувствие; сознательность ($\alpha = 0,93$) включала ориентацию на достижения, организованность, покладистость и низкую отвлекаемость; нейротизм ($\alpha = 0,88$) включал боязливость, застенчивость и отрицательные эмоции; открытость ($\alpha = 0,90$) включала открытость опыту и интеллект/обучаемость. Факторы высшего порядка определяли с помощью регрессионных оценок при факторном анализе Большой Пятерки [20]. Альфа включала уступчивость, сознательность и низкий нейротизм, а бета — открытость и экстраверсию.

Социально-демографические и семейные характеристики изучали с помощью авторского опросника «Стиль жизни» [3]. Учитывали пол (0 – мужской, 1 – женский) и возраст ребенка, образование (1 – неполное среднее, 2 – среднее, 3 – среднее специальное, 4 – высшее образование и 5 – научная степень) и профессиональный статус родителей (0 – безработные, домохозяйки, пенсионеры и студенты, 1 – ручной или неквалифицированный труд, 2 – специальности средней квалификации, 3 – высококвалифицированные специалисты и руководители), место жительства (1 – город, 2 – сельская местность) и состав семьи (с двумя биологическими родителями, с одним родителем и сводная). Достаток семьи определяли с помощью шкалы из 13 вопросов о финансовом положении, наличии предметов, свидетельствующих об определенном достатке, о том, как ребенок проводит летние каникулы (дома, на даче, поездки по стране, за рубежом) и наличии карманных денег ($\alpha = 0,72$).

Сплоченность семьи определяли с помощью шкалы из 5 вопросов о понимании, поддержке, конфликтах, доверии и отношениях ребенка с родителями ($\alpha = 0,72$). Семейное насилие определяли, спрашивая, был ли ребенок свидетелем споров или ссор между взрослыми в семье, и если да, то были ли эти ссоры с физическими нападками. Практику воспитания оценивали вопросом об обычном реагировании на плохое поведение ребенка (1 – обсуждение, 2 – лишение наград или дополнительные задания, 3 – крик или брань и 4 – физические наказания). Родительский надзор определяли, спрашивая, насколько родители интересуются, чем занимается их ребенок. Социальную поддержку оценивали, спрашивая, получали ли родители помощь от других людей в заботах о ребенке.

Взаимодействия изучали с помощью серии множественных регрессий [4] на трех уровнях иерархической структуры личности: факторов высшего порядка Альфа и Бета, Большой Пятерки и 15 черт среднего уровня. Результирующими показателями были просоциальное поведение, интернализация, экстернализация и влияние проблем на жизнь. Независимые переменные вводили тремя блоками: 1) пол и возраст ребенка; 2) личностные черты соответствующего уровня и семейные факторы (образование и профессиональный статус родителей, место житель-

ства, тип семьи, достаток, сплоченность семьи, практика воспитания, родительский надзор и социальная поддержка) и 3) двусторонние взаимодействия между каждой личностной чертой и каждым семейным фактором. Взаимодействия оценивали произведением независимых переменных; для уменьшения эффекта множественных взаимосвязей использовали Z-оценки.

Учитывая, что значение личностных особенностей и семейных факторов благополучного развития детей детально проанализировано ранее [3; 20; 21], мы рассматривали взаимодействия факторов, исключая главные эффекты. Выявленные в иерархической множественной регрессии достоверные взаимодействия проверяли с помощью множественных линейных моделей (GLM), включающих соответствующую личностную черту, семейный фактор и их взаимодействие. Для расшифровки подтвержденных взаимодействий их представляли графически с помощью регрессионных кривых зависимости результирующей переменной от предиктора на разных уровнях модератора [11]; в случае непрерывного модератора выделяли две или три группы равного размера.

Результаты

В таблице представлены результаты множественной регрессии шкал опросника «Сильные стороны и трудности» на личностные черты высшего порядка и семейные факторы с учетом пола и возраста ребенка. Наиболее мощными предикторами благополучия были личностные факторы: Альфа способствовал просоциальному поведению и предотвращал экстернализацию, а Бета защищал от интернализации и влияния проблем на жизнь. Просоциальное поведение было больше выражено у девочек, а экстернализация и влияние проблем на жизнь – у мальчиков. С возрастом поведенческие проблемы снижались, а эмоциональные – нарастали, усиливалось и влияние проблем на жизнь. Вклад семейных факторов был существенно меньше, наибольшее значение имела практика воспитания и сплоченность семьи. Анализ выявил ряд достоверных взаимодействий между личностными и семейными факторами на всех уровнях иерархической структуры личности.

Таблица
Результаты множественной иерархической регрессии показателей благополучия: достоверные коэффициенты вклада личностных черт высшего порядка, семейных факторов и их взаимодействий

Предикторы	Коэффициенты β			
	Просоциальное поведение	Экстернальные проблемы	Интернальные проблемы	Влияние проблем
<i>Шаг 1</i>				
Женский/мужской пол	0,11***	-0,16***		-0,09***
Возраст		-0,27***	0,06**	0,13***
<i>Шаг 2</i>				
Альфа	0,35***	-0,49***	-0,06*	-0,14***
Бета	0,05*	0,12***	-0,30***	-0,22***
Село/город	0,09***			-0,07**

Один родитель				0,05*
Сводная семья		0,06**		
Образование родителей ¹		-0,07**		
Профессиональный статус родителей ¹	-0,06*			
Достаток семьи			-0,06*	-0,09**
Сплоченность семьи	0,12***	-0,10***	-0,08**	-0,05*
Насилие в семье				0,08**
Практика воспитания	-0,07**	0,13***	0,10***	0,10***
Родительский надзор	0,04*			-0,04*
Социальная поддержка	0,06**		-0,07**	
<i>Шаг 3</i>				
Альфа × сводная семья				0,05*
Альфа × сплоченность	-0,08**			0,05*
Альфа × воспитание		-0,05**		
Альфа × поддержка			0,04*	0,05*
Альфа × надзор				0,05*
Бета × воспитание	0,05*		-0,06*	
Бета × профес. статус	0,04*			
Бета × село/город			0,14*	
Бета × насилие в семье		-0,04*	-0,05*	

Примечание. ¹ В семьях с двумя родителями использовали среднее значение. β— стандартизованный регрессионный коэффициент. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Место жительства модерировало связь Бета и нейротизма с интернализацией, $F(1, 1972) = 4,40, p < 0,05$ и $F(1, 1970) = 9,93, p < 0,01$ соответственно; вклад личностных факторов в городе ($B = -0,66$ и $0,91$ соответственно) был существенно больше, чем в сельской местности ($B = -0,50$ и $0,64, p < 0,01$ соответственно, все $p < 0,001$). Помимо этого, выявлено взаимодействие места жительства с отвлекаемостью в отношении экстернализации, $F(1, 1931) = 19,88, p < 0,001$: predisposing влияние этой черты в городе ($B = 0,92$) было почти в два раза сильнее, чем в сельской местности ($B = 0,52$, все $p < 0,001$, рис. 1, А). Сходным образом защитное действие общительности в отношении влияния проблем на жизнь, $F(1, 1947) = 6,91, p < 0,01$, в городе было почти в два раза сильнее ($B = -1,09, p < 0,001$), чем в сельской местности ($B = -0,57, p < 0,01$, рис. 1, Б).

Тип семьи модерировал вклад застенчивости и сочувствия в просоциальное поведение, $F(1, 1929) = 5,19, p < 0,05$ и $F(1, 1950) = 10,41, p < 0,01$ соответственно: отри-

цательное влияние застенчивости в семьях с одним родителем ($B = -0,45$) было в два раза сильнее, чем в семьях с двумя родителями ($B = -0,21$, все $p < 0,001$), а predisposing влияние сочувствия в сводных семьях ($B = 0,54$) было меньше, чем в остальных ($B = 0,98$, все $p < 0,001$). Помимо этого, тип семьи модерировал взаимосвязи личностных черт с влиянием проблем на жизнь. В семьях с одним родителем защитное действие открытости опыту ($B = -1,24$) было сильнее, чем в семьях с двумя родителями ($B = -0,52$, все $p < 0,001$), $F(1, 1936) = 9,95, p < 0,01$. В сводных семьях вклад альфа, $F(1, 1939) = 3,99$, входящей в него неуступчивости, $F(1, 1939) = 6,53$, ориентации на достижения, $F(1, 1909) = 6,74$, все $p < 0,05$, и покладистости, $F(1, 1921) = 8,05, p < 0,01$, был ниже ($B = -0,51, p < 0,05$; $B = 0,02, p > 0,05$; $B = -0,48, p < 0,05$ и $B = -0,18, p > 0,05$ соответственно), чем в остальных ($B = -0,98, 0,97, -0,97$ и $-0,99$ соответственно, все $p < 0,001$).

Образование родителей модерировало связь нейротизма и боязливости с влиянием проблем на жизнь, $F(1,$

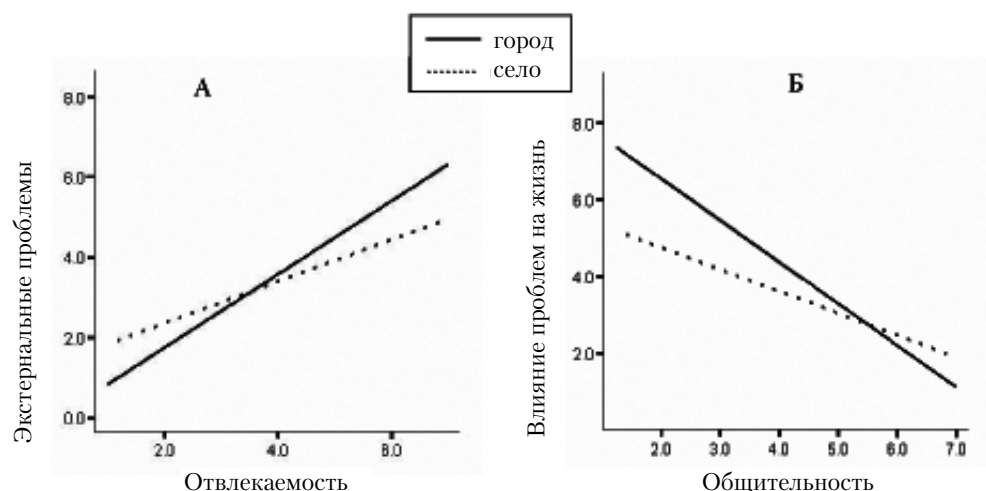

Рис. 1. Связь личностных черт с благополучием детей в городе и сельской местности

1906) = 5,41, $p < 0,05$ и $F(1, 1901) = 10,07$, $p < 0,01$ соответственно; предрасполагающее влияние этих черт у детей, чьи родители не имели специального образования ($B = 0,94$ и $0,60$ соответственно), было меньше, чем у детей, чьи родители имели среднее специальное ($B = 1,32$ и $1,13$ соответственно) или высшее образование ($B = 1,48$ и $1,28$ соответственно, все $p < 0,001$). Профессиональный статус родителей модерировал вклад открытости опыту в просоциальное поведение, $F(1, 1799) = 5,33$, $p < 0,05$: она вносила вклад только у детей, чьи родители были специалистами среднего или высшего звена ($B = 0,48$ и $0,53$ соответственно, $p < 0,001$), и не оказывала влияния на тех, чьи родители не работали или занимались ручным или неквалифицированным трудом ($B = 0,20$, $p > 0,05$). Взаимодействие профессионального статуса и активности в отношении экстернализации, $F(1, 1798) = 12,34$, $p < 0,001$ имело сходный характер: активность создавала риск у детей, чьи родители были специалистами среднего или высшего звена ($B = 0,19$, $p < 0,05$ и $B = 0,46$, $p < 0,001$ соответственно), но не оказывала влияния на тех, чьи родители не работали, занимались ручным или неквалифицированным трудом ($B = 0,11$, $p > 0,05$).

Сплоченность семьи модерировала вклад личностных черт домена Альфа в просоциальное поведение; Альфа: $F(1, 1959) = 19,74$; неуступчивость: $F(1, 1959) = 20,91$; сочувствие: $F(1, 1948) = 13,36$, все $p < 0,001$; упрямство: $F(1, 1954) = 9,22$, $p < 0,01$. При семейном разладе личностные черты вносили значительно больший вклад ($B = 0,97$, $-1,52$, $1,06$ и $-0,53$ соответственно, все $p < 0,001$), чем в семьях со средним уровнем сплоченности ($B = 0,76$, $-1,15$, $0,74$, все $p < 0,001$ и $B = -0,22$, $p < 0,05$ соответственно) и сплоченных ($B = 0,63$, $-0,98$, $0,77$, все $p < 0,001$ и $B = -0,21$, $p < 0,05$ соответственно, рис. 2, А). Сплоченность семьи также взаимодействовала с нейротизмом в отношении интернализации, $F(1, 1954) = 9,22$, $p < 0,01$: при семейном разладе вклад нейротизма был больше ($B = 0,91$, $p < 0,001$), чем в семьях со средним и высоким уровнем сплоченности ($B = 0,77$ и $0,62$ соответственно, все $p < 0,001$). Кроме того, сплоченность семьи модерировала связь альфа, открытости и покладистости с влиянием проблем на жизнь, $F(1, 1933) = 7,57$; $F(1, 1933) = 7,20$, все $p < 0,01$ и $F(1, 1915) = 5,94$, $p < 0,05$ со-

ответственно. При семейном разладе защитное действие личностных черт было сильнее ($B = -1,15$, $-1,41$ и $-1,10$ соответственно, все $p < 0,001$), чем в семьях со средним уровнем сплоченности ($B = -0,60$, $-1,13$, все $p < 0,001$ и $B = -0,56$, $p < 0,01$ соответственно) и сплоченных ($B = -0,66$, $-0,79$ и $-0,55$ соответственно, все $p < 0,001$, рис. 2, В).

Насилие в семье взаимодействовало с ориентацией на достижения в отношении экстернализации, $F(1, 1898) = 9,34$, $p < 0,01$: в семьях, где взрослые проявляли физическую агрессию при ребенке, защитное влияние этой черты ($B = -0,89$) было сильнее, чем в семьях, не применявших физической агрессии ($B = -0,79$), и в семьях, где взрослые не ссорились при ребенке ($B = -0,56$, все $p < 0,001$). Кроме того, насилие в семье модерировало вклад домена бета в интернализацию; бета: $F(1, 1930) = 5,14$; экстраверсия: $F(1, 1930) = 5,84$; общительность: $F(1, 1929) = 5,06$, все $p < 0,05$. Защитное влияние этих личностных черт в семьях, применявших физическую агрессию при конфликтах ($B = -0,67$, $-0,78$ и $-0,69$ соответственно, все $p < 0,001$), и в семьях, где взрослые ссорились при ребенке ($B = -0,63$, $-0,80$ и $-0,73$ соответственно, все $p < 0,001$), было сильнее, чем в семьях, где взрослые не проявляли физической и вербальной агрессии при ребенке ($B = -0,49$, $-0,52$ и $-0,49$ соответственно, все $p < 0,001$).

Практика воспитания модерировала вклад домена бета в просоциальное поведение; бета: $F(1, 1943) = 6,60$; открытость: $F(1, 1943) = 7,55$; интеллект: $F(1, 1942) = 8,24$, все $p < 0,01$. Предрасполагающее влияние этих черт было наиболее сильным, если родители применяли физические наказания ($B = 0,76$, $p < 0,01$; $B = 0,86$, $p < 0,05$ и $B = 0,89$, $p < 0,01$ соответственно), слабее — если они прибегали к крику и брани ($B = 0,51$, $0,56$ и $0,43$ соответственно, все $p < 0,001$) или применяли адекватные наказания ($B = 0,44$, $0,47$ и $0,45$ соответственно, все $p < 0,001$) и самым слабым — если родители лишь ограничивались обсуждением нежелательных поступков с ребенком ($B = 0,31$, $p < 0,001$; $B = 0,26$, $p < 0,01$ и $B = 0,20$, $p < 0,01$ соответственно, рис. 3, А).

Сходным было взаимодействие практики воспитания с фактором Альфа, $F(1, 1941) = 6,07$, и входящей в него сознательностью, $F(1, 1936) = 6,04$, все $p < 0,05$, в отношении экстернализации. Защитное действие этих черт

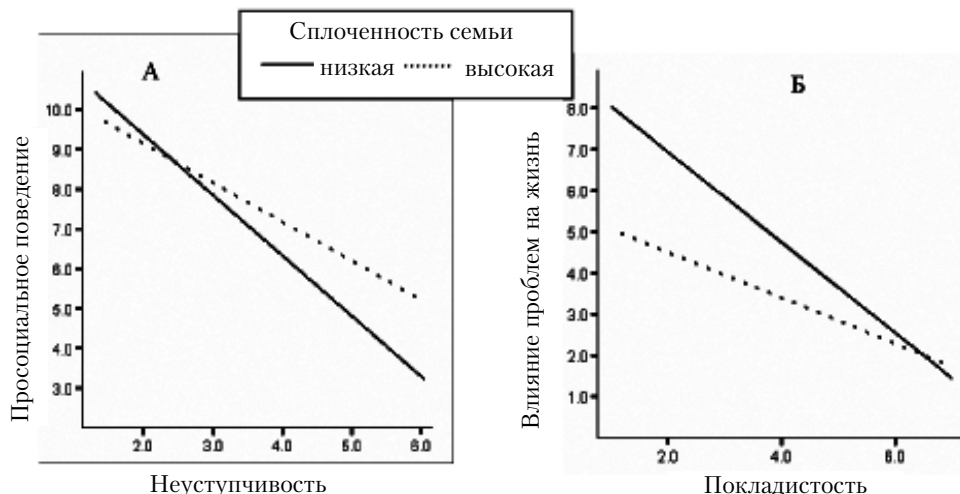

Рис. 2. Модерирующее воздействие сплоченности семьи на связь личностных черт с благополучием детей

было наиболее сильным, если родители применяли физические наказания ($B = -1,42$ и $-1,84$ соответственно, все $p < 0,001$), слабее — если они прибегали к крику и брани ($B = -1,00$ и $-1,34$ соответственно, все $p < 0,001$) или применяли адекватные наказания ($B = -1,03$ и $-1,28$ соответственно, все $p < 0,001$) и самым слабым — если родители лишь обсуждали нежелательные поступки с ребенком ($B = -0,97$ и $-1,15$ соответственно, все $p < 0,001$).

Практика воспитания модерировала связь Бета, $F(1, 1942) = 13,28, p < 0,001$, нейротизма, $F(1, 1940) = 9,94$, отвлекаемости, $F(1, 1903) = 7,44$, и общительности, $F(1, 1941) = 9,65$, все $p < 0,01$, с интернализацией. Вклад этих личностных черт также был наибольшим, если родители применяли физические наказания ($B = -1,11, p < 0,001; 1,22, p < 0,001; ,82 p < 0,01$ и $-1,00 p < 0,001$ соответственно), меньше — если они прибегали к крику и брани ($B = -0,70, 0,92, 0,43$ и $-0,81$ соответственно, все $p < 0,001$), и наименьшим — если родители применяли адекватные наказания ($B = -0,50, 0,68, 0,27$ и $-0,53$ соответственно, все $p < ,001$) и обсуждали поступки с ребенком ($B = -0,51, 0,71, 0,26$ и $-0,58$ соответственно, все $p < 0,001$, рис. 3. Б).

Социальная поддержка модерировала вклад открытости в просоциальное поведение, $F(1, 1897) = 6,42, p < 0,05$: если родители считали, что получают мало поддержки, предрасполагающее влияние этой черты было сильнее, чем при высоком уровне поддержки ($B = 0,53$ и $0,43$ соответственно, $p < 0,001$). Сходным образом проявлялось взаимодействие социальной поддержки с фактором альфа, $F(1, 1896) = 5,67, p < 0,05$, и входящей в него отрицательной эмоциональности, $F(1, 1874) = 8,23, p < 0,01$, в отношении интернализации: при низком уровне поддержки влияние личностных черт было сильнее ($B = -0,45$ и $0,58$ соответственно, $p < 0,001$), чем при высоком ($B = -0,29$ и $0,42$ соответственно, $p < 0,001$, рис. 4. А). Кроме того, социальная поддержка модерировала связь домена альфа с влиянием проблем на жизнь: альфа: $F(1, 1877) = 7,02$, нейротизм: $F(1, 1876) = 7,40$, антагонизм: $F(1, 1850) = 10,80$, все $p < 0,01$, организованность: $F(1, 1866) = 6,47, p < 0,05$. Здесь также вклад личностных

черт у детей, чьи родители получали относительно мало поддержки, был больше ($B = -1,12, 1,49, 0,93$ и $-1,22$ соответственно, все $p < 0,001$), чем у детей, чьи родители получали больше поддержки ($B = -0,80, 1,17, 0,54$ и $-0,93$ соответственно, все $p < 0,001$, рис. 4. Б).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование большой выборки детей и подростков охватило широкий возрастной диапазон от раннего детского до старшего подросткового возраста и широкие слои городского и сельского населения Западной Сибири и соседних регионов. Анализ выявил ряд значимых взаимодействий между индивидуальными особенностями на трех уровнях иерархической структуры личности и семейными факторами благополучия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что вклад личностных факторов высшего порядка, Большой Пятерки и черт среднего уровня в благополучное или отклоняющееся развитие находится под воздействием семейной среды.

Просоциальное поведение (внимание к чувствам других людей, помощь и забота) во многом обусловлено социализацией, и это соответствует высокому вкладу суперфактора Альфа, который Дигман [8] интерпретировал как успешность социализации и входящих в состав домена Альфа уступчивости и сочувствия. Среди семейных факторов ведущую роль играет сплоченность семьи, однако действие этих личностных и семейных факторов взаимосвязано. При высоком уровне Альфа (успешной социализации), уступчивости, сочувствии и низком уровне упрямства у детей сплоченность семьи мало сказывается на уровне просоциального поведения, а при противоположном наборе черт она играет роль буфера, смягчая действие личностных факторов риска, и в сплоченных семьях у детей с низким уровнем Альфа (неуспешной социализацией), неуступчивостью, низким уровнем сочувствия и упрямством уровень просо-

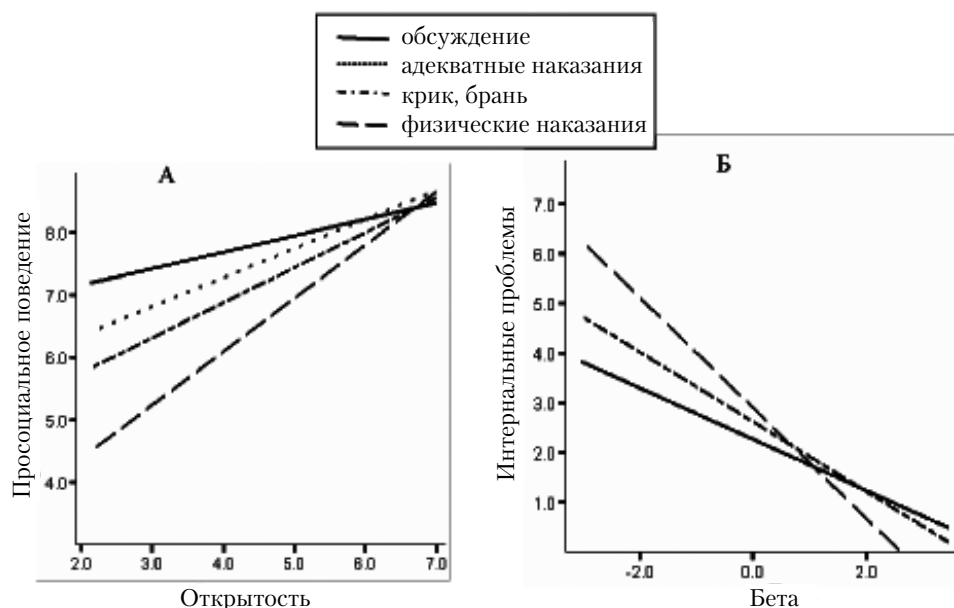

Рис. 3. Модерирующее воздействие практики воспитания семьи на связь личностных черт с благополучием детей

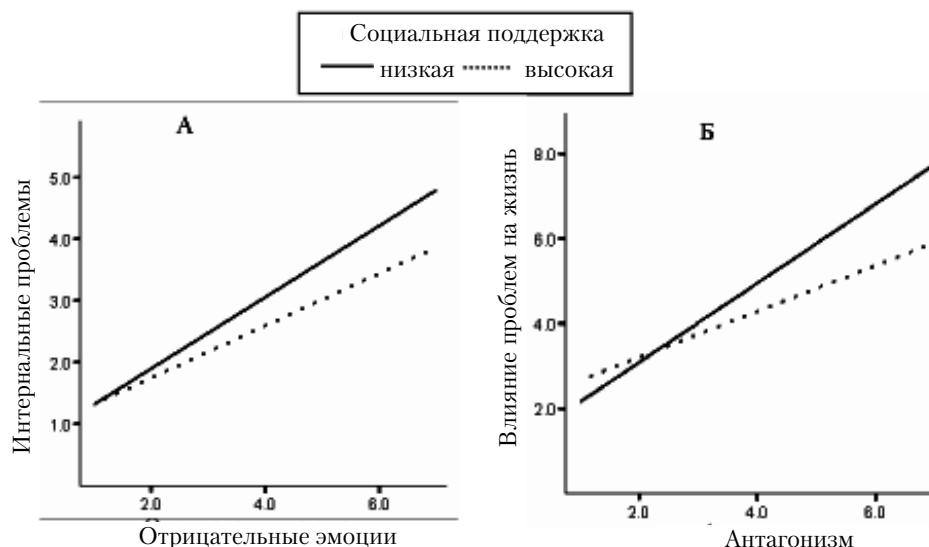

Рис. 4. Модерирующее воздействие социальной поддержки на связь личностных черт с благополучием детей

циального поведения выше, чем у таких же детей из разобщенных семей. Взаимодействие семейных и индивидуальных факторов просоциального поведения недавно было выявлено в исследовании американских подростков [17], но его характер остался нераскрытым.

Полученные нами результаты указывают на то, что в неблагоприятной семейной обстановке (разлад в семье, применение взрослыми насилия при разрешении конфликтов, телесные наказания ребенка, крик и брань) личностные особенности детей имеют гораздо большее значение для важных результатов развития (просоциального поведения, поведенческих и психических проблем и их влияния на жизнь), чем в благоприятных условиях. Подобное взаимодействие родительского воспитания с темпераментом ребенка в отношении проблем поведения обнаружено в недавнем голландском исследовании [12]. Кроме того, в нашем исследовании личностные особенности имели относительно больше значения в городе и в семьях с одним родителем и относительно меньше — в сводных семьях и при низком уровне образования и профессионального положения родителей. Эти феномены нуждаются в дальнейшем изучении; возможно, они опосредуются ближайшим окружением. Так, в исследовании из США связь между темпераментом детей и результатами развития, такими как социальная компетентность и интернальные проблемы, в благополучных районах большого американского города была сильнее, чем в неблагополучных [6].

Характер выявленных взаимодействий целесообразно сопоставить с предложенной недавно классификацией [5], хотя, на наш взгляд, семейные условия желательно рассматривать в качестве модератора, а не предиктора, так как их вклад в благополучное развитие, как правило, меньше, чем вклад личностных особенностей [21]. В целом представленные рисунки указывают на эффект по типу «двойного риска» [5]: при неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск может умножаться. Это соответствует результатам исследований в

Бельгии и США [13; 16; 18; 24] и не подтверждает гипотезу дифференцированной восприимчивости, согласно которой дети, наиболее подверженные влиянию неблагополучия, в адекватных и хороших условиях развиваются особенно успешно [5].

Помимо этого, полученные результаты показывают, что в благоприятной обстановке (сплоченная семья, мягкое воспитание, социальная поддержка родителей) риск неблагополучного развития при наличии личностной предрасположенности существенно снижается, а личностные факторы защиты (высокая уступчивость и покладистость, низкий уровень антагонизма и отрицательной эмоциональности) нивелируют негативное воздействие семейного неблагополучия на развитие детей. Компенсаторные механизмы, с помощью которых внутренние и внешние факторы защиты способствуют благополучному развитию, нуждаются в дальнейшей расшифровке в продолжительных исследованиях.

Выводы

1. В неблагоприятной семейной обстановке (разлад в семье, насилие при конфликтах между взрослыми, жесткие методы воспитания) вклад личностных особенностей детей в результирующие показатели развития больше, чем в благоприятных условиях.
2. При неблагоприятном сочетании индивидуальных особенностей и условий воспитания риск неблагополучного развития может умножаться.
3. Семейные факторы защиты (сплоченность, мягкое воспитание, социальная поддержка) существенно снижают риск неблагополучного развития при наличии личностной предрасположенности.
4. Личностные факторы защиты (высокая уступчивость и покладистость, низкий уровень антагонизма и отрицательной эмоциональности) нивелируют негативное воздействие семейного неблагополучия на развитие детей.

Литература

1. Гудман Р., Скотт С. Детская психиатрия. М., 2008.
2. Князев Г.Г., Слободская Е.Р. Пятифакторная структура личности в процессе развития (по данным родителей и самооценки) // Психологический журнал. 2005. Т. 6. № 6.
3. Слободская Е.Р., Ахметова О.А., Кузнецова В.Б., Рябиченко Т.И. Социальные и семейные факторы психического здоровья детей и подростков // Психиатрия. 2008. № 1.
4. Baron R.M., Kenny D.A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic and statistical considerations // Journ. Personality and Social Psychology. 1986. V. 51. № 6.
5. Belsky J., Bakermans-Kranenburg M.J., van IJzendoorn M.H. For better and for worse: Differential susceptibility to environmental influences // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2007. V. 16. № 6.
6. Bush N.R., Lengua L.J., Colder C.R. Temperament as a moderator of the relation between neighborhood and children's adjustment // Journ. Appl. Dev. Psychol. 2010. V. 31. № 5.
7. Caspi A., Roberts B.W., Shiner R.L. Personality development: Stability and change // Annual Review of Psychology. 2005. V. 56.
8. Digman J.M. Higherorder factors of the big five // Journ. Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. № 6.
9. Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // Eur. Child Adolesc. Psychiatry. 2005. V. 14. № 1.
10. Halverson C.F., Havill V.L., Deal J. et al. Personality structure as derived from parental ratings of free descriptions of children: The Inventory of Child Individual Differences // Journ. Personality. 2003. V. 71. № 6.
11. Hampson S.E. Mechanisms by which childhood personality traits influence adult well being // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2008. V. 17. № 4.
12. Karreman A., de Haas S., van Tuijl C. et al. Relations among temperament, parenting and problem behavior in young children // Infant Behav. Dev. 2010. V. 33. № 1.
13. Lengua L., Bush N., Long A. et al. Effortful control as a moderator of the relation between contextual risk factors and growth in adjustment problems // Dev. Psychopathol. 2008. V. 20. № 5.
14. Leve L.D., Kim H.K., Pears K.C. Childhood temperament and family environment as predictors of internalizing and externalizing trajectories from ages 5 to 17 // Journ. Abnorm. Child. Psychol. 2005. V. 33. № 5.
15. McMahon S.D., Grant K.E., Compas B.E. et al. Stress and psychopathology in children and adolescents: is there evidence of specificity? // Journ. Child. Psychol. Psychiatry. 2003. V. 44. № 1.
16. Mulvaney M.K., Mebert C.J. Parental corporal punishment predicts behavior problems in early childhood // Journ. Fam. Psychol. 2007. V. 21. № 3.
17. Padilla-Walker L.M., Nelson L.J. Parenting and adolescents' values and behaviour: the moderating role of temperament // Journ. Moral Education. 2010. V. 39. № 4.
18. Prinzie P., Onghena P., Hellinckx W. et al. The additive and interactive effects of parenting and children's personality on externalizing behaviour // European Journ. Personality. 2003. V. 17. № 2.
19. Roberts B.W., Kuncel N., Shiner R. et al. The power of personality: The comparative validity of personality traits, socioeconomic status, and cognitive ability for predicting important life outcomes // Perspectives in Psychological Science. 2007. V. 2. № 4.
20. Slobodskaya H.R. Two superordinate personality factors in childhood // European Journ. Personality. 2011. V. 25. № 6.
21. Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A. Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // International Journ. Behavioral Development. 2010. V. 34. № 5.
22. Slobodskaya H.R., Zupancic M. Development and validation of the Inventory of Child Individual Differences — short version in two Slavic countries // Studia Psychologica. 2010. V. 52. № 1.
23. Tackett J.L., Slobodskaya H.R., Mar R.A. et al. The hierarchical structure of childhood personality in five countries: Continuity from early childhood to early adolescence // Journ. Personality. Accepted manuscript online: 3 AUG 2011 DOI: 10.1111/j.1467-6494.2011.00748.x.
24. Van Leeuwen K.G., Mervielde I., Braet C., Bosmans G. Child personality and parental behavior as moderators of problem behavior: Variable and person-centered approaches // Developmental Psychology. 2004. V. 40. № 6.

Personality and Family Factors in Children's Well-Being¹

Ye.P. Slobodskaya

PhD in Psychology, associate professor, chief researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences

O.A. Akhmetova

researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences

The paper presents an empirical research on the interaction between personality and family factors in children's well-being. The authors put forward a hypothesis that the influence of protection and risk factors varies according to personality and family characteristics. The research enrolled a large sample of children and adolescents aged 3–18 years ($N = 1780$, 46 % female subjects) belonging to different sections of urban and rural

¹ The authors are grateful to all participants of this research. The study was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities (grant №11-06-00517a).

(21 %) population. The following inventories for parents were employed: "Strong Traits and Problems" assessing a child's well-being, "List of Child's Personality Traits" assessing his/her personality, and "Lifestyle" assessing family factors. The research revealed that the role of personality traits in prosocial behaviour, behavioural and mental problems was far more significant in children experiencing home violence and abuse as compared to children living in favourable family settings. Risks may increase when there is a disadvantageous combination of family settings and individual traits. However, if a child is vulnerable, family protection factors can reduce the risk of negative developmental outcomes, and likewise personality protection factors (that is, high compliance, low antagonism and low negative emotionality) eliminate the effects of disadvantaged family background on the child's development.

Keywords: positive developmental outcomes, behavioural problems, family, children, adolescents, personality traits.

References

1. *Gudman R., Skott S.* Detskaya psihiatriya. M., 2008.
2. *Knyazev G.G., Slobodskaya E.R.* Pyatifaktornaya struktura lichnosti v processe razvitiya (po dannym roditelei i samoocenki) // Psihologicheskii zhurnal. 2005. T. 6. № 6.
3. *Slobodskaya E.R., Ahmetova O.A., Kuznecova V.B., Ryabichenko T.I.* Social'nye i semeinye faktory psihicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov // Psihiatriya. 2008. № 1.
4. *Baron R.M., Kenny D.A.* The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic and statistical considerations // Journ. Personality and Social Psychology. 1986. V. 51. № 6.
5. *Belsky J., Bakermans-Kranenburg M.J., van IJzendoorn M.H.* For better and for worse: Differential susceptibility to environmental influences // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2007. V. 16. № 6.
6. *Bush N.R., Lengua L.J., Colder C.R.* Temperament as a moderator of the relation between neighborhood and children's adjustment // Journ. Appl. Dev. Psychol. 2010. V. 31. № 5.
7. *Caspi A., Roberts B.W., Shiner R.L.* Personality development: Stability and change // Annual Review of Psychology. 2005. V. 56.
8. *Digman J.M.* Higherorder factors of the big five // Journ. Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. № 6.
9. *Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G.* Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // Eur. Child Adolesc. Psychiatry. 2005. V. 14. № 1.
10. *Halverson C.F., Havill V.L., Deal J.* et al. Personality structure as derived from parental ratings of free descriptions of children: The Inventory of Child Individual Differences // Journ. Personality. 2003. V. 71. № 6.
11. *Hampson S.E.* Mechanisms by which childhood personality traits influence adult well being // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2008. V. 17. № 4.
12. *Karreman A., de Haas S., van Tuijl C.* et al. Relations among temperament, parenting and problem behavior in young children // Infant Behav. Dev. 2010. V. 33. № 1.
13. *Lengua L., Bush N., Long A.* et al. Effortful control as a moderator of the relation between contextual risk factors and growth in adjustment problems // Dev. Psychopathol. 2008. V. 20. № 5.
14. *Leve L.D., Kim H.K., Pears K.C.* Childhood temperament and family environment as predictors of internalizing and externalizing trajectories from ages 5 to 17 // Journ. Abnorm. Child. Psychol. 2005. V. 33. № 5.
15. *McMahon S.D., Grant K.E., Compas B.E.* et al. Stress and psychopathology in children and adolescents: is there evidence of specificity? // Journ. Child. Psychol. Psychiatry. 2003. V. 44. № 1.
16. *Mulvaney M.K., Mebert C.J.* Parental corporal punishment predicts behavior problems in early childhood // Journ. Fam. Psychol. 2007. V. 21. № 3.
17. *Padilla-Walker L.M., Nelson L.J.* Parenting and adolescents' values and behaviour: the moderating role of temperament // Journ. Moral Education. 2010. V. 39. № 4.
18. *Prinz P., Onghena P., Hellinckx W.* et al. The additive and interactive effects of parenting and children's personality on externalizing behaviour // European Journ. Personality. 2003. V. 17. № 2.
19. *Roberts B.W., Kuncel N., Shiner R.* et al. The power of personality: The comparative validity of personality traits, socioeconomic status, and cognitive ability for predicting important life outcomes // Perspectives in Psychological Science. 2007. V. 2. № 4.
20. *Slobodskaya H.R.* Two superordinate personality factors in childhood // European Journ. Personality. 2011. V. 25. № 6.
21. *Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A.* Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // International Journ. Behavioral Development. 2010. V. 34. № 5.
22. *Slobodskaya H.R., Zupancic M.* Development and validation of the Inventory of Child Individual Differences – short version in two Slavic countries // Studia Psychologica. 2010. V. 52. № 1.
23. *Tackett J.L., Slobodskaya H.R., Mar R.A.* et al. The hierarchical structure of childhood personality in five countries: Continuity from early childhood to early adolescence // Journ. Personality. Accepted manuscript online: 3 AUG 2011 DOI: 10.1111/j.1467-6494.2011.00748.x.
24. *Van Leeuwen K.G., Mercielde I., Braet C., Bosmans G.* Child personality and parental behavior as moderators of problem behavior: Variable and person-centered approaches // Developmental Psychology. 2004. V. 40. № 6.